

На Карпатах и дальше

Многим из нас в 1944 году довелось не раз и не два побывать на фронте. Я хочу рассказать сегодня об одной заурядной/фронтальной поездке советских артистов, которая ничем не выделяется среди сотен других и вместе с тем примечательна, как все другие... Там, в Карпатских горах, в этих пылающих, осенних лесах, встречи были особенно теплыми и душевными, впечатления — особенно яркими.

Нас окружают, обнимают, расспрашивают: как добирались мы через столько перевалов и границ, по бесконечным дорогам, сюда, где нет ни домов, ни концертных зал, где все размокло, где танк, свернув на минуту с дороги, уходит в грязь по самую башню.

И вот начинается подготовка к концерту. Пока мы сидим у костра и повар кормит нас горячими блинами, все готово — свежеструганая эстрада украшена осенними цветами, комната для переодевания сделана из плащ-палаток, а две тысячи зрителей разместились на горке. Заходящее солнце почти заменяет юпитеры и софиты.

В нашей группе всего девять человек. Один самолет, одна комната, одна машина вмещают всех без труда.

Кстати, о транспорте. Еще ни разу, на других участках фронта, нам не приходилось так разнообразить род передвижения. Тут, в условиях гор, приходилось пробираться на чем бог пошлет, так что транспортными средствами, кроме самолетов, шевроле и виллисов, служила и походная библиотека в виде деревянной будки на колесах, куда мы втискиваемся со своими инструментами, чемоданами и так несемся по дороге, стучась обо все углы. Сюда же можно включить и переезды на походных кухнях, верхом и, что оставило глубокое впечатление, на бронетранспортере, перед которым даже студебеккер, король дорог, почтительно прижимается к сторонке. И о ночлеге часто никто не мог заранее сказать, — где он будет. Высоко в горах, в одинокой хате, на широких лавках и столах; в захудалом отеле, на огромной лаковой кровати модерн, где вчера еще ночевали немецкие офицеры; или в монастыре XVI века, в белоснежной комнате со сводами, где над изголовьем висит распятие и где нас встречает, гремя ключами, монахиня в огромном крахмальном чепце и гофрированном воротнике; или в штабе на полу, на соломе.

Вспоминается вчерашняя ночь. Мы едем уже 5 часов. Накануне вернулись с концерта поздно, разбудили нас на рассвете, а выехали из за неполадок с машиной поздно утром. Холодно! Машина капризничает. Все ворчат, ехидно острят, подают советы шоферу (каждый согласно своему темпераменту), косой дождь заливает тех, кто сидит близко к заднему борту, бензиновый бак отравляет тех, кто сидит впереди, инструменты и чемоданы с костюмами (наказание нашей жизни!) валяются на всех остальных, когда на перевалах машина лезет на отвесную гору или, переехав горную речку, взбирается на крутой ее берег. Затекали ноги, все кашляют, куксятся, хочется есть, и каждый заявляет, что уж, конечно, он работать никак не сможет ни при каких условиях. И вот еще час и еще...

И вдруг возле регулировщика какие-то машины и верховые машут руками, кричат. Это нас выехали встречать, чтобы мы не заблудились, — уже все собрались, и нас ждут, и наконец мы под'езжаем и нас вводят в теплую комнату, и кормят горячим супом, и говорят ласковые слова, и вот теперь вы посмотрите на актеров: они все забыли.

Концерт? Конечно, будет! Нет, что вы, никто не устал, надо только одеться и загримироваться. И все выглядят свежими, красивыми.

Итак, концерт начинается, и солисты оперы Межерауп, Соколова и

Рина ЗЕЛЕНАЯ

Оганын, забыв обо всем, поют такими чистыми и свежими голосами, что зрители неистовствуют, слушая лучшие русские

арии и требуя все новых и новых песен. Балерина Н. Спасовская так пленительно улыбается в задорном испанском танце, а Игорь Лентовский так пляшет лезгинку, что никто не поверит, что на его спине семь часов пролежал чей-то чемодан, а Спасовская сапогом натерла ногу (искусство обертывать ноги портянками дается не сразу).

Мало того, что актер забывает усталость, — здесь им овладевает чувство огромного волнения, ответственности, гордости тем, что он силой своего искусства вызывает радость, заставляет улыбаться людей, чья жизнь так героична и сурова.

На мою долю выпало счастье — слышать смех, громкий, такой необычно беззаботный в этой обстановке. Наивные светлые строчки детских стихов Барто, Михалкова несли с собою тепло, воспоминания о семье, и, может быть, каждый в эту минуту думал о своем ребенке, за нарушенное детство которого он мстит здесь врагу.

И снова прощанье, и снова вперед, вперед!

И снова горы, и опять горы, сколько же их еще впереди? Как мы вместе со всеми жаждали вырваться, наконец, на равнину. Особенно остро почувствовали мы это у танкистов — им не терпелось выйти на простор.

Была годовщина полка, прошедшего от Сталинграда сюда. Был бал на чердаке огромного здания (кордон на границе Польша—Чехословакия), отбитого три дня назад у немцев. И был концерт, почти как в Колонном зале, играл оркестр и танкисты танцевали до утра друг с другом.

Командир полка Фома Игнатьевич, которого его офицеры с любовью зовут «баткой», разглаживая свои седые усы, рассказывал нам о подвигах, совершенных этими юношами. Медали и ордена украшают их грудь. Оркестр играл вальс, совсем как в Москве, и в такт попадали залпы наших батарей и глухие разрывы где-то далеко у позиций.

Но вот, наконец, настал тот час, когда после долгих дней и ночей, перевалов, взорванных дорог, пробок, пропастей и обрывов — наконец, Карпаты позади. И перед нами долина, залитая лунным светом, и мы мчимся не вниз, не вверх, а прямо по ровной дороге, а горы отодвинулись и стали на горизонте просто, как красивое дополнение к пейзажу.

Утром мы видим, как на длинных фурах едут крестьяне с детьми, с зонтиками и красными бантами на рукавах и лейтами в гривах лошадей — мужчины в ярких, праздничных костюмах, в белых толстых куртках, с карманами, вышитыми яркой шерстью, в цветных свитерах, женщины — в красных, синих юбках, зеленых и розовых фартуках и цветных платочках. Они приветствуют нас, машут руками и бесконечной процессией направляются на городскую площадь, на праздничный митинг, на первый митинг освобожденного города.

И каждый день все новые встречи!

Вы помните, капитан Волков, как вы везли нас на концерт, уверяя, что это всего час езды, и как мы проехали чуть ли не сто километров и «форсировали» 14 речек.

Милые друзья из истребительного противотанкового Краснознаменного ордена Суворова полка! Мы не забудем, как вы обогрели нас, как после концерта мы сидели у рояля в докторском доме и пели для вас столько, сколько вы хотели.

Может быть, мы не сумеем удержать в памяти все места, даты, имена, рукопожатия, лица, встречи 1944 года, но то, что уйдет из памяти, навеки останется в сердце.